

Фаина ГРИМБЕРГ

ДИТЯ ФРАНЦУЗА

Поэма

*Даше, Дуне и Ане,
а также – Венсану и Маше*

Дуня ходко шла по деревянной мостовой
шла из церкви, повязавшись чёрным
шалевым платком
Утром вынула просфору –
О здравии раба Божия Викентия
Сёстры замужем давно
Дуня одна отца покоит
Она уже немолода
в годах она
Она не вышла замуж и зовут черничкой
Слова нет о ней дурного худого
А нынче праздник нецерковный
Письмо бежит в какие-то вышестоящие
большие эмпиреи
от местного чиновника
любителя серьёзных изысканий
по краеведенью
Подумайте, какого человека
вдруг обнаружил местный краевед
диковинку какую –
Былой солдат Наполеона
нынче ста двадцати шести лет от роду
вероисповедания добровольно православного
старик почтенный
с красивой белой бородой
окладистой серебряной
в домашнем сюртуке сидит он перед самоваром
опираясь обеими ладонями на крепкий
набалдашник трости деревянной
Он здесь живёт на волжских берегах
в старинном русском городе он обитает
Он пенсию от государя получает
как подданный заслуженный российский
Он Бонапарта видывал
И разных маршалов французских
вот как себя мы видим в зеркалах
Он подвиги свершал в сраженьях разных
Пожар Москвы при нём происходил
Он казнь Людовика видал дитятей
Он сам об этом рассказал подробно
По вечерам тихонько книги он читает
при свете ярком лампы керосиновой
а видит хорошо он без очков
Дочь Евдокия носит книги для него
из библиотеки домашней директора гимназии
внука вольнодумного вельможи

высланного сюда в глушь Екатериной Великой
Директор приохотил к чтению нашего француза
Викентия Петровича
Особенно француз предпочитает
Прево и Мариво –
Manon Lescaut
La Vie de Marianne
и Le Paysan parvenu...
Сидит старик почтенный опершись
ладонями на набалдашник трости
Задумался
и в памяти летают
воспоминания
Деревня смутная мерцает
затем приютский сирота
затем уже и мальчик на побегушках
в парижской мастерской живописца-самоучки
всегда немножко пьяного
малюющего вывески большие
И вот уже мальчишка-барабанщик в армии Наполеона
И кругом говорят непонятно
А потом он поймёт, какие слова говорили тогда
– Пленных не брать! – командует мужской голос
И звонкий голос почти твоего сверстника
откликается о тебе:
– Нам-то отлично, а ему какво!
Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли?
А можно позвать этого мальчишка, что взяли в плен?
дать ему чего-нибудь поесть... может...
– Да, жалкий мальчишка, – отвечает
мужской голос, –
Позвать его сюда. Vincent Bosse его зовут.
Позвать.
– Я позову, – сказал Петя.
– Позови, позови. Жалкий мальчишка, –
повторил Денисов.
Петя стоял у двери, когда Денисов сказал
это. Петя пролез между офицерами и близко
подошёл к Денисову.
– Позвольте вас поцеловать, голубчик, –
сказал он. – Ах, как отлично! как хорошо! –
И, поцеловав Денисова, он побежал на двор.
– Bosse! Vincent! – прокричал Петя,
остановясь у двери.
– Вам кого, сударь, надо? – сказал голос из
темноты. Петя отвечал, что того
мальчишка-француза, которого взяли нынче.
– А! Весеннего? – сказал казак.
Имя его Vincent уже переделали казаки – в
Весеннего, а мужики и солдаты –

в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось с представлением о молоденьком мальчике.
 – Он там у костра грелся. Эй, Висеня! Висеня! Весенний! – слышались в темноте передающиеся голоса и смех.
 – А мальчонок шустрый, – сказал гусар, стоявший подле Пети – Мы его покормили давеча. Страсть голодный был! В темноте слышались шаги и, шлёпая босыми ногами по грязи, барабанищик подошёл к двери.
 – Ah, c'est vous! – сказал Петя. – Voulez-vous manger? N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal, – прибавил он, робко и ласково дотрагиваясь до его руки, – Entrez, entrez. – Ах, это вы! Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего не сделают. Войдите, Войдите...
 Merci, monsieur, – отвечал барабанищик дрожащим, почти детским голосом и стал обтирать о порог свои грязные ноги. Пете многое хотелось сказать барабанищику, но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле него в сенях. Потом в темноте взял его за руку и пожал её.
 – Entrez, entrez, – повторил он только нежным шёпотом...
 И потом тебе дают водки и баранины, и одевают в русский кафтан...
 Исчезло прошлое, оно ушло, а ты остался И столько-то прошло однажды лет
 Масленица скоро
 В мастерской своей богомаз Викентий Петрович образ пишет
 Жена Татьяна Егоровна краску трёт
 Потом она в горницу идёт, к столу садится считает маленькие деньги круглые и плоские монеты и сама с собою говорит тихонько:
 ... всё стало дорогим-дорогохонько, ни к чему нет приступу... На базар придёшь раным-ранешенько, хочешь подешевле кой-чего купить на Масленицу... солёный судак четыре да пять копеек, топлёное масло четырнадцать, грешнева мука полтинник. Икорки бы надо к блинкам – купила бы хорошенькой, да купил-то нет... Опять же дрова как вздорожали! Хоть мёрзни с холоду, хоть помирай с голоду...
 А в горнице чисто
 Герань в горшке благоухает прямо
 Кисейные занавески на окнах
 Часы кричат кукушкой
 Большие образа и лампадка
 под низким белым потолком
 И тянется на полу крашеном
 суровая домотканая дорожка

На дорожке Дунюшка играет тихо
 из чурбачков избушку строит
 серьезная девчурка
 губки сжала, в ниточку свела
 волосенки белёдые в тонкую коску
 сама нынче заплела
 глянет со вниманием
 то на икону преподобно-мученицы Евдокии
 то на сестёр старших –
 Анюта и Дашутка поодаль на лавке
 куклу шьют для неё
 У куклы этой косы толстые из чёсаного льна
 перевиты лентами
 сарафан из лоскутков ситцевых пёстрых
 да тятиными красками чёрные глаза и брови
 наведены
 и ярко-красный рот
 Отец в горницу входит
 Тонкая детская ладошка радостно в крупных
 пальцах отца
 И ещё столько-то лет прошло
 Стариком сделался с белой бородой
 Давно умерла жена-хозяйка
 Разлетелись из дома старшие дочери
 Одна Дунюшка при нём осталась
 И вот сегодня
 назначен праздник с фейерверком и парадом
 солдат в костюмах русских и французских гренадёров
 в его честь
 в честь последнего,
 стадвадцатишестилетнего ветерана
 Забыты распри давние,
 все благородно празднуют
 посол французский пожимает руку
 богомазу старому
 День завершился разноцветьем фейерверка
 в тёмном небе
 Спит утомлённый праздником старик
 на пуховом диване
 а Дунюшка, локтями опершись
 на чистую столешницу,
 читает сочиненье госпожи Гийон в оригинале,
 научена французскому отцом
 шепча слова прилежно
 Vie de Madame Guyon Ecrite Par Elle-Même
 Жизнеописание госпожи Гийон,
 ею самой написанное
 Читает Дуня том второй
 На ярмарке купила у старинщика-торговца
 Иконы продавал, подержанные книги,
 серебряную посуду...
 Сегодня в город съехались корреспонденты всех газет
 На скромный дом табличку прикрепили
 Здесь ветеран живёт минувших войн
 давно прошедших войн
 истории осколок уцелевший, живой здесь живёт
 И только Дуня знает, но не скажет никому

а только знает,
что отцу не сто двадцать шесть лет,
а всего лишь девяносто девять
и свои воспоминания о встречах и боях
он сочинил по большей части
Ну и что!
Сон уводит старика в детство самое далёкое
взаправдашнее
Сколько лет я сам не помню
Почему все умерли?
Мать сидит на земле
ноги босые вытянула под юбкой белой
руки загорелые на белую юбку упали
усталые
А за околицей плетень
clôture et clôture
la fenaison
Неуклюже наклонился мой отец –
стоптанные башмаки
Мальчишки деревенские кричат:

«Ноэль! Ноэль!» –
Рождество зовут
А Дуня-Дунюшка молчит
За околицей плетень
И не сказала ничего
Не открылась никому
Не сказала никому
Тятеньке такая радость!
Пусть!
А если где неправда,
грех на мне
Дуня вяжет чулок
И во сне старик услышал стройный хор музыки,
игравшей какой-то неизвестный,
торжественно сладкий гимн.
И напев разрастался...
Ах да, ведь это я во сне...
И он услышал во сне звонкий юношеский голос:
– Не бойтесь, вам ничего не сделают.
Войдите, войдите...

² В Саратове проживал некий Николая Савен, действительно пленный наполеоновский солдат, измысливший себе биографию более значительную, чем она являлась в сугубой реальности.

Жанна Гийон – католический мистик семнадцатого века, проповедовала мистическое единение с Богом. Её сочинения были переведены на русский язык в восемнадцатом веке и, по свидетельству Мельникова-Печерского, пользовались популярностью у старообрядцев.